

жественный визит отряда советских кораблей в Турцию, отразил надвигающиеся изменения в расстановке сил в черноморском регионе. 28 июня отряд в составе больших противолодочных кораблей «Керчь» и «Комсомолец Украины» под командованием командующего ЧФ адмирала М.Н.Хронополо опять посетил Стамбул. В качестве корабля-хозяина выступал эсминец УРО «Гайрет». Незадолго до этого Турцию посетил начальник Главного штаба ВМФ СССР адмирал К.В.Макаров. Ход визита в связи с обострением проблемы этнических турок в Болгарии (в 1985-1988 гг. в Турцию переселилось 300 тыс. болгарских турок) практически не нашел освещения в местной печати, а посещение советских кораблей местными жителями было «символическим». Той дружеской обстановки, что была два года назад, уже не наблюдалось.

В этом же году Одессу с неофициальным дружественным визитом посетил учебный корабль ВМС Турции «Соколлу Мехмет-паша», а состоявшийся в 1990 г. в Севастополь визит турецких кораблей – эскадренного миноносца УРО «Гайрет» и фрегата УРО «Явуз» – стал последним в истории советско-турецких военно-морских отношений.

Говоря о состоянии советско-турецких отношений в военно-морской области в годы «холодной войны» нельзя забывать, что наши страны принадлежали к противоположным социальным системам и противоборствующим военным блокам. Стремление руководства СССР добиться в 1945 г. внесения изменений в Конвенцию Монтрё 1936 г. и права на участие в обороне проливов было вызвано опытом двух мировых войн XX в. Для Советского Союза, ставшего в послевоенный период одной из сверхдержав, Турция была второстепенной страной, с 1947 г. подчиненной интересам США. Территория Турции рассматривалась советским руководством как плацдарм для нападения на СССР. Флоты наших стран в годы «холодной войны» готовились к вооруженному противоборству друг с другом.

В то же время в истории военно-морских отношений между СССР и Турцией в период «холодной войны» есть примеры плодотворного сотрудничества. В начале XXI в. этот опыт может быть востребован для дальнейшего развития добрососедства наших военных флотов и взаимодействия в новых геополитических условиях.

Источники и литература

1. РГА ВМФ. – Ф.1. – Оп.3. – Д.1560. – Л.475.
2. Документы внешней политики СССР. – Т.19. – М., 1974. – С.325-326.
3. Цит. по: Васильева Н., Гаврилов В. «Балканский тупик?...» (Историческая судьба Югославии в XX веке). – М., Гея итэрум, 2000. – С.182.
4. Россия и Черноморские проливы (XVII – XX столетия). – М., Международные отношения, 1999. – С. 473.
5. Там же.
6. Мотрохов А.Н. О службе флотской в шутку и всерьез. Записки главного штурмана ВМФ. – СПб, Наука, – 2000. – С. 82.
7. Цит. по: Уткин А.И. Мировая «холодная война». – М., Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2005. – С.298.
8. Strauss L.L. Men and Decisions. – N.Y., 1962. – P. 158.
9. Россия и Черноморские проливы. – С.488.
10. История международных отношений и внешней политики СССР. – Т.III, 1945-1963 гг. Под ред. В.Г. Трухановского. – М., Из-во "Международные отношения", 1964. – С.175.
11. Известия. – 1957. – 14 сентября.
12. Правда. – 1957. – 18 октября.
13. Кальвокоресси П. Мировая политика после 1945 года: В 2-х кн. Кн.1 / Пер. с англ. – М.: Международные отношения, 2000. – С.58.
14. Штаб Российского Черноморского флота (1831 – 2001 гг.) Исторический очерк. – Симферополь, "Таврида", 2002. – С.68.
15. Коротеев А.Н. Последний командующий эскадрой вице-адмирал В.Ф. Чалый. – Севастополь, 2000. – С.116-117.
16. Россия и Черноморские проливы. – С.491.
17. Дипломатия развивающихся государств. – М., Международные отношения, 1976. – С.206.
18. Джумхуриет. – 1974. – 26 октября.
19. Штаб Российского Черноморского флота. – С.94.
20. Дурум. – 1978. – №21. – С.5.
21. Билен И. Наши главные ориентиры.// Проблемы мира и социализма, 1979. №4. С.17.
22. Гюнеш, 1987, 28 марта.

Тяглый М.И.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЕВРЕЕВ КРЫМА НАЦИСТСКОМУ ГЕНОЦИДУ (1941-1944)

Историография такого вопроса, как события Холокоста на Крымском полуострове, на сегодняшний день относительно незначительна. Многие аспекты этой проблемы нуждаются в дальнейшей разработке. Одним из аспектов, исследованных едва ли не в наименьшей степени, является вопрос о реакции еврейской общины, евреев-крымчан на последовательную политику геноцида, которая проводилась по отношению к ним.

Вопросы сопротивления евреев нацистскому геноциду попали в поле внимания историков еще на ключевом этапе Второй мировой войны. Наряду с описанием реализации нацистской Германией политики преследования евреев, организации аппарата преследований и уничтожения больших масс людей, деятельности различных ветвей власти и отдельных представителей Третьего рейха исследователи сосре-

доточили усилия на описании актов вооруженной борьбы евреев против нацистских властей, тщательном сборе и публикации сборников документов и свидетельств о восстаниях в гетто и нацистских лагерях.

Постепенно историческая наука проделала в этом направлении определенную эволюцию: фокус рассмотрения переместился глубже, и исследователи сочли необходимым обратить внимание не только на осуществлявшиеся с оружием в руках акты противодействия нацистам, но и на поведение большинства остальных людей, лишенных такой возможности – на реакции и поступки тех, кого в процессе исследования ранее было принято изображать лишь жертвами, пассивной стороной. Импульс интенсивной работе в этом направлении был придан публикацией в 1971 году в Иерусалиме сборника «Еврейское сопротивление в годы Холокоста. Материалы конференции о проявлениях еврейского сопротивления» [1]. Суть концептуальных изменений, предложенных на конференции, свелась к расширению семантического поля термина «сопротивление» и попыткам научно обосновать включение в него других форм поведения евреев, направленных на противодействие намерениям нацистов.

Для того, чтобы получить исчерпывающее представление о проблематике еврейского сопротивления в период Холокоста, ему в первую очередь необходимо дать определение. Наиболее распространенной является точка зрения, изложенная главным историком музея Яд Вашем (Иерусалим), профессором Д. Михманом: *«Исследователи Холокоста видят терминологическую разницу между терминами «противостояние» и «сопротивление». Противостояние определяется как совершение неких активных действий с целью самосохранения (в отличие от бездеятельности и покорности). Противостояние является сопротивлением намерениям властей в самом широком смысле этого слова: оно включает в себя различные аспекты – экономический, религиозный, культурный, организационный и пр. Термин «сопротивление» в контексте Катастрофы используется для обозначения вооруженных действий. Сопротивление, таким образом, есть один из возможных путей противостояния. От обычного, ведущегося по инерции образа жизни, противостояние отличается тем, что в нем имеется элемент сознательного действия»* [2].

Неудивительно, что история вооруженного сопротивления, борьбы евреев с оружием в руках как самая яркая форма противостояния привлекла внимание историков в первую очередь. Изучение вопроса о евреях Украины, с оружием в руках принимавших героическое участие в борьбе с нацизмом, только начинается. Тем не менее, существуют несколько работ, в которых даны общие оценки и намечены пути для дальнейших исследований. Еврейскому сопротивлению на оккупированной советской территории посвящена глава в монографии российского историка И. Альтмана [3]. Трудно переоценить вклад в историографию вопросов о вооруженном сопротивлении евреев Украины, сделанный киевским историком С. Елисаветским на основании изучения различных архивных документов в хранилищах Украины и России [4]. Вопросы вооруженного сопротивления евреев Украины политике геноцида поднимают в своих трудах и другие украинские историки [5].

В то же время, как уже отмечалось выше, все разнообразие форм реакции евреев на политику преследований и уничтожения не может быть сведено лишь к одной разновидности, хотя бы самой радикальной и наиболее заметной – к сопротивлению с оружием в руках. В таком случае за рамками рассмотрения остаются другие, не менее значимые формы противостояния – такого, о котором современные историки говорят как о «сопротивлении без применения силы». Мысль о том, что реакция угнетенной группы на преследования может принимать самые разнообразные формы, и что эти действия – если они в своей основе имеют осознанную волю и направлены на то, чтобы воспрепятствовать намерениям угнетающей группы – имеют основания считаться сопротивлением, была высказана в 1983 году американским политологом Р. Готлибом. Он проиллюстрировал свое утверждение следующим примером: *«... в контексте того времени, когда угнетенные должны были кротко принимать свою смерть в концентрационных лагерях или лагерях смерти, сознательный выбор жизни должен считаться актом сопротивления. Это значит, что те, кто проявлял сознательную активность и не позволял себе превратиться в человеческую тень, лишённую воли к жизни (Muselmann – «доходяга» на языке узников), выражали сопротивление»*.

По одной из типологии еврейского противостояния нацистскому геноциду, все его разновидности с учетом разнообразных реалий, в которых оказывались еврейские общины и отдельные люди, можно свести к следующей схеме:

- Экономическое противостояние (незаконное производство товаров для продажи, контрабанда продовольствия, взаимопомощь);
- Организованное противостояние (создание и действие структур для мобилизации средств, действий в сфере взаимной поддержки, благотворительности, здравоохранения, организации вооруженного сопротивления);
- Культурное и духовное противостояние (индивидуальные или коллективные действия, направленные на сохранение морально-психологической самости, национального и человеческого достоинства);
- Религиозное противостояние (осмысление происходящих событий в контексте религиозной традиции иудаизма и поведение согласно ее морально-этическим нормам);
- Переход на нелегальное положение и побеги как способ противостояния (решение о неподчинении распоряжениям властей несмотря на отсутствие перспектив возвращения к нормальной жизни и неуверенность в надежности убежища);
- Вооруженное сопротивление (восстания в гетто и лагерях; подпольная и партизанская деятельность как в организованных по национальному принципу, так и в общеевропейских движениях Сопротивления).

Целью нашей работы является рассмотрение, с применением охарактеризованных выше методов исследования и типологии, вопроса о том, какой была реакция крымского еврейства – и как общинного организма, и как совокупности отдельных людей – на нацистскую политику геноцида. С учетом выработанной в историографии типологии форм реакции евреев на преследования мы попытаемся найти ответ на следующие вопросы: пытались ли противостоять евреи Крыма преследованиям и затем тотальному уничтожению? Как реагировали люди на нечеловечески тяжелые условия экономической эксплуатации и затем

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЕВРЕЕВ КРЫМА НАЦИСТСКОМУ ГЕНОЦИДУ (1941-1944)

спланированной охоты на них со стороны «новых хозяев» полуострова? В каком состоянии на сегодняшний день находится изучение вопроса о противостоянии евреев оккупационным властям, в идеологии и военно-политической практике которых антисемитизм и расовое учение занимали одно из центральных мест? Какие документальные источники могут пролить свет на эти проблемы? Какие специфические формы противостояния могли практиковать евреи данного региона, а какие не могли, учитывая особенности оккупационного режима в Крыму? И, наконец, насколько эффективными были эти попытки?

Основные источники по вопросу

В качестве одного из источников по теме еврейского сопротивления – и пока одним из наименее привлеченных к исследованию – является документация немецких оккупационных органов. Это, прежде всего, отчеты действовавшей на территории Крыма айнзатцгруппы «Д» с ее подразделениями (айнзатцкомандами, зондеркомандами, которые в свою очередь, делились на тайлькоманды) в различных городах и селах полуострова [6]. Отчеты о деятельности подразделений айнзатцгруппы «Д» регулярно отсылались в Берлин, где суммировались с отчетами других айнзатцгрупп и предоставлялись в соответствующие ведомства РСХА [7]. В задачи служащих СД не входило документирование актов сопротивления со стороны мирного населения, и сведения такого характера в этих отчетах встречаются нечасто. Чаще информация об этом содержится в отчетах городских и районных полевых комендатур. Поскольку Крым являлся в течение всего оккупационного периода либо зоной боевых действий, либо тылом армейской области, то, несмотря на формальное существование здесь гражданской администрации, де-факто вся полнота власти принадлежала военным. Являясь в начальный период оккупации зоной действий 11-й армии под командованием генерала Э. фон Манштейна, полуостров являлся тыловой армейской областью №553 (rückwärtige Armeegebiet 553) под командованием генерала Генриха Дела (Heinrich Doehla), в подчинении которого находились полевые комендатуры (сформированные в соответствии с довоенным районированием полуострова) и городские комендатуры. В задачи комендатур входило поддержание порядка, снабжение армии и решение хозяйственных вопросов, а также регулирование вопросов жизни гражданского населения, работа с военнопленными и мероприятия по подавлению возможного саботажа и сопротивления. В составе комендатур находились подразделения полевой жандармерии.

В отчетах комендатур и подразделений полевой жандармерии также отражается их деятельность по «еврейскому вопросу». В большинстве случаев они не осуществляли антиеврейских акций собственными силами, однако проводили работу по обнаружению скрывающихся евреев и передаче их в органы СД – как часто значилось в документах, «для дальнейшего обращения». В текстах отчетов часто можно найти сведения о попытках сопротивления евреев оккупационным властям [8]. Рассмотрим несколько примеров:

Из отчета полевой жандармерии при ортскомендатуре П/915 от 29.11.1941.	21.11.1941 г. за попытку сопротивления немецкому вермахту был задержан и передан зондеркоманде 106 еврей Марк Камзан, Феодосия, ул. Кооперативная, 11.
Из отчета ортскомендатуры Армянска коменданту тыловой области №553 от 30.11.1941.	Для защиты от происков партизан и для обеспечения безопасности находящихся здесь воинских подразделений было необходимо обезвредить 14 местных евреев и евреек. Исполнено 26.11.1941.
Из отчета ортскомендатуры П/939 г. Джанкой от 10.12.1941.	В ходе еврейской акции на 21 участке Джанкойского района расстреляны 15 евреев-мужчин за беспорядки и угрозы гражданскому населению.
Из отчета отделения полевой жандармерии №683 в полевую комендатуру №810 от 11.02.1942.	Во Фрайдорфе были 5 евреев (3 мужчин, 2 женщины), которые были схвачены милицией за городом в степи, приведены обратно и затем расстреляны, так как подозревались в шпионаже.
Из отчета отделения полевой жандармерии в полевую комендатуру №810 г. Евпатории от 15.02.1942.	В деревне Икор была обработана согласно предписанию еврейка с трехлетним и с новорожденным детьми, которая вела себя враждебно по отношению к немцам.
Из отчета ортскомендатуры П/915 пос. Воинка от 31.03.1942.	Девять человек расстреляны за саботаж (в том числе два человека за самогоноварение и шесть евреев на основании мероприятий, необходимых для защиты тыла армейской области).
Из отчета ортскомендатуры I(V)287 г. Керчь от 1.08.1942.	9.7.42 две еврейки, которые были задержаны за пропагандистские выступления в Марфовке, были переданы зондеркоманде 106 (Керчь). [9]

Как следует из приведенных фрагментов, подразделения вермахта часто сталкивались с сопротивлением, оказываемым им еврейским населением в том или ином населенном пункте. Однако можно ли безоговорочно доверять этим сообщениям? Обратим внимание на формулировки: «для обеспечения безопасности находящихся здесь воинских подразделений», «на основании мероприятий, необходимых для защиты тыла армейской области»... По мнению И.А. Альтмана, о достоверности немецких сведений о роли евреев-партизан и связях евреев с партизанами можно говорить не всегда. Нередко это был повод для расправы. Рост партизанского движения также использовался нацистами для усиления репрессий против еврейского населения. Преувеличены обычно и (приводимые в немецких документах) масштабы участия евреев в вооруженной борьбе [10]. Добавим еще одно предположение: уничтожение евреев не являлось основной задачей, предписанной вермахту (подобно тому, как это было для айнзатцгрупп полиции безопасности и СД). Поэтому основания для антиеврейских акций, указанные в приведенных фрагментах, можно считать не столько реальными причинами, сколько своего рода «защитными» формулировками для придания легитимности мероприятиям по убийству армией мирного населения.

Из источников советского происхождения следует отметить документы фонда «Крымская Республиканская чрезвычайная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям КрАССР» (далее – ЧГК) [11]. Крымская комиссия начала свою деятельность 5 июня 1944 г., была ликвидирована в мае 1945 г. Члены комиссии составляли списки жертв оккупационного режима с указанием национальности погибших, списки оккупантов и коллаборационистов, несших ответственность за преступления, оформляли акты на основе свидетельских показаний. Свидетельские показания содержат немало сведений о реакции евреев на политику геноцида.

Другой группой источников являются дневниковые записи и воспоминания, собранные крымской Комиссией по истории Великой Отечественной войны. Она была создана решением обкома ВКП(б) от 23 апреля 1944 г., ликвидирована в июне 1947 г. Целью работы комиссии являлся сбор материалов о работе подпольных организаций и партизанских формирований в Крыму, свидетельских показаний мирных жителей об оккупационном режиме, немецком рабстве. Они хранятся в виде авторских статей, очерков, либо воспоминаний, записанных сотрудниками комиссии. Здесь же содержатся рассказы евреев, переживших уничижение, прятавшихся, скрывавших свое происхождение, или свидетельства неевреев – очевидцев антиеврейских мероприятий. Из последних выделим многостраничный дневник пожилого симферопольца Х.Г. Лашкевича [12]. Наиболее информативными по рассматриваемой теме являются стенограммы бесед с евреями, скрывавшимися в период оккупации. Это стенограмма беседы с жителем Симферополя библиографом Е.Е. Гопштейном [13], проведенной 16-17 августа 1944 г., и стенограмма беседы с жителем Симферополя, сотрудником аптекоуправления И.И. Сиротой [14], проведенной 16 февраля и 28 мая 1945 года. В фонде Крымской комиссии по истории ВОВ хранятся также художественные произведения – рассказы, повести – о событиях Холокоста в Крыму, которые были написаны непосредственно после войны. Их авторы, несомненно, опирались на собственные наблюдения и беседы с пережившими Холокост (например, можно проследить, что одна из сюжетных линий в повести Д.И. Макарычевой [15] опирается на воспоминания, а возможно, и на личные беседы с И.И. Сиротой). Мы полагаем возможным также рассматривать их как источники (при соблюдении критического подхода к ним).

Значительную информацию об участии евреев Крыма в советском подпольном и партизанском движении содержат фонды Крымского штаба партизанского движения (КШПД) [16] и Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) [17]. Это отчеты в Московский центр с мест о работе подпольных центров и действиях партизанских отрядов, сведения о личном составе партизанских отрядов и личные дела партизан, среди которых имеются сведения и о евреях.

Организованное противостояние

Прежде всего необходимо рассмотреть возможность оказания евреями Крыма организованного сопротивления – противодействия оккупантам на основе какой-либо организации, созданной по национальному принципу. Основание для такого подхода дает то, что в течение определенного времени в различных городах полуострова действительно существовали еврейские организации – так называемые «юденраты» (с нем. Judenrat – еврейский совет), которые были созданы по приказам немецких властей с первых дней оккупации. Такие учреждения существовали в Симферополе, Евпатории, Ялте, Севастополе (по Феодосии, Керчи и менее крупным городам сведения об их существовании на сегодняшний день не найдены) [18].

Однако могли ли евреи Крыма использовать имевшиеся в их распоряжении организационные структуры для организации вооруженного отпора или, по крайней мере, противопоставления экстерминационным намерениям нацистов какой-либо самостоятельной тактики (подобно тому, как это происходило во множестве юденратов и гетто в оккупированной Польше, западной Украине и Белоруссии, история которых насчитывает немало примеров противостояния нацистской политике «окончательного решения»)? Очевидно, что нет – тому препятствовали ряд специфических обстоятельств.

В отличие от аналогичных учреждений в западной Украине и Белоруссии (располагавшихся на территориях, присоединенных к СССР в 1939 г.) юденраты восточной Украины и Крыма создавались в значительной степени искусственно – все организационные (религиозные, культурные, образовательные и проч.) формы еврейской жизни здесь были разрушены советской властью задолго до прихода нацистов. Поэтому еврейская администрация в городах Крыма создавалась не из известных общине фигур, которые бы пользовались авторитетом среди соплеменников, а из людей случайных, мало знакомых большинству, иногда – первых попавшихся властям. В такой ситуации можно говорить о наличии у крымских евреев в начальный период оккупации лишь формальных руководителей, но не действительных общепризнанных лидеров. Это снижало вероятность организации сопротивления.

Кратковременность существования еврейской администрации в городах Крыма также не способствовала организации отпора оккупантам. В силу ряда факторов «еврейский вопрос» на полуострове был решен нацистами чрезвычайно быстро: в начале ноября 1941 г. почти весь Крым был занят немцами, а к середине декабря практически во всех городах евреи были уже уничтожены. Гетто, за исключением Ялты (здесь оно существовало всего около двух недель), не создавались. Все этапы «окончательного решения» – регистрация еврейского населения оккупантами, ограбление общины, экономическая эксплуатация, сбор и уничтожение – сменили друг друга с молниеносной быстротой, и еврейское общество было лишено «исторического времени», которое необходимо как промежуток между осознанием изменившихся условий и совершением реакции на эти новые условия.

Организации сопротивления также не способствовала неосведомленность евреев и, в частности, еврейского руководства о намерениях оккупантов, неизвестность, осложнявшаяся разнообразными и, видимо, преднамеренно распускавшимися властями слухами, скрывавшими реальные планы властей по отношению к еврейскому населению. Так, в Симферополе после внезапного обнародования евреям приказа о явке на пункты сбора «для переселения» циркулировали пять вариантов слухов о возможной дальнейшей судьбе – от переселения в Палестину или крымские сельскохозяйственные колонии до отправки в

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЕВРЕЕВ КРЫМА НАЦИСТСКОМУ ГЕНОЦИДУ (1941-1944)

СССР за линию фронта. Очевидец вспоминал: «Я слышал эти слухи и сам считал, что не может быть уничтожения целой национальной группы... За что же уничтожат? В моем сознании и понимании это не укладывалось» [19]. Таких свидетельств можно привести множество. Вполне объяснимо, что в условиях отсутствия сведений о реальных планах по отношению к евреям, ввиду незнания о перспективе уничтожения руководство юденратов воздерживалось от призыва к крайним мерам и пыталось использовать тактику, направленную на отсутствие обострений в отношениях с властями, а также на поддержание их заинтересованности в еврейской общине – например, в профессиональных качествах евреев и в результатах их труда (тактика, в историографии именуемая «спасение через работу») [20].

Атмосферу дезориентации и отчаяния, постигшую ту часть евреев Симферополя, которая ориентировалась на вновь созданную еврейскую администрацию и на исполнение ее предписаний, описывает фрагмент из послевоенного произведения:

Во дворе [еврейского] комитета целый день мерзли мужчины, женщины и молодежь – все одинаково черные и неузнаваемые. Они обязаны были сюда являться каждый день, ждать, пока придут немецкие солдаты и, грубо покрикивая, хлопая плетью, отберут нужное количество и погонят на работу...

Вдруг тихий говор умолк. Все повернулись к крыльцу, на котором появился председатель комитета. Сотни глаз уставились на него с тревогой и тайной надеждой.

Голова Бейлисона была обмотана ватой и бинтом. На белом фоне выделялось распухшее лицо, в кровоподтеках.

Его о чем-то спросили, но он не ответил на вопрос. Лицо его скривила страдальческая гримаса, и он тихо простонал:

– Ой, идише киндер, мир зенын фарфолен [21].

Тихий горестный шепот прошелся по толпе.

– Мир зенын фарфолен... мир зенын фарфолен...

Измученные люди продолжали стоять тихо, выжидаяще. Кто-то должен сказать что-нибудь... о жизни, о спасении, может быть, о милости. Люди должны были это услышать. Этого требовала их жизнь и жизнь их детей. Толпа продолжала стоять в напряженной тишине. Но не нашлось ни такого человека, ни такого слова.

И черные сгорбленные тени разошлись, и каждый уносил с собой целый океан горя и отчаяния [22].

Помимо формального руководства (юденратов), в рамках еврейских общин существовали и другие формы еврейского самоуправления. В регионах с большим еврейским населением и с продолжительной по времени политической преследований и уничтожения в еврейском сообществе значительный вклад в выработку линии поведения вносили также духовные лидеры общины (раввины), а также деятели различных организаций в гетто, прежде всего – организаций подпольных.

Однако о существовании сколько-нибудь организованного еврейского – по национальному признаку – подполья в данном регионе на сегодняшний день ничего не известно. Возникновению в крымском регионе сил, которые бы способствовали выработке самостоятельной линии поведения, ориентированной в конечном счете на вооруженное сопротивление, не способствовал ряд факторов. Для этого требовалось бы более длительное время существования общины в новых условиях – однако, как уже упоминалось, евреи были уничтожены очень быстрыми темпами. Кроме того, костяком и основой возникновения подобных организаций в условиях оккупации обычно служили еврейские национальные политические партии и их молодежные ответвления, действовавшие на данной территории до войны. В Крыму же единственной политической силой, служившей основой подпольного движения, служили подготовленные для выполнения этой задачи в предвоенный период коммунистические партийные организации [23], чья идеология не предусматривала поддержку сопротивления, организованного по национальному принципу.

Тем не менее, свидетельства о том, что процесс формирования еврейского подполья мог происходить и в крымских условиях, у нас имеются. Один из оставшихся тогда в Симферополе евреев позже вспоминал:

[в конце ноября 1941 г.] я созвал к себе человек пятьдесят знакомых и ...предложил им: пусть тысяча-другая наших людей соберется и нападет на немцев. Многие при этом погибнут, но зато несколько сот человек добудут себе оружие и смогут уйти в леса, в горы... Однако мне возразили, что население в 15-20 тысяч человек уничтожить невозможно [24].

Конечно, этот фрагмент свидетельствует лишь о начале, о зарождении намерений к сопротивлению. И здесь, как мы видим, решающую роль в отказе от решительных форм противостояния сыграла неосведомленность о нацистских планах. Знание о скорой гибели неминуемо бы привело к более активным действиям – однако такой информации не было.

Те же евреи-подпольщики, которые, тем не менее, были и в Крыму, (несмотря на двойной риск разоблачения – как евреи и как подпольщики) были интегрированы в более широкую систему нееврейского общесоветского подпольного движения. Изучение вопроса об их участии в борьбе с нацистами только начинается [25]. Вместе с тем, уже сейчас можно с уверенностью констатировать, что едва ли в круге задач, стоявших перед евреями-подпольщиками, первоочередными являлись такие задачи, как предоставление укрытия скрывавшимся от расправ евреям, снабжение их поддельными документами и т.п. Еврей-подпольщик в данном регионе являлся прежде всего подпольщиком советским, и его действия были направлены прежде всего на подрыв военной машины и политического и карательного аппарата оккупаци-

онного режима; деятельность по организации помощи мирному населению не являлась первоочередной и могла осуществляться лишь постольку, поскольку это не препятствовало осуществлению предписанных руководством других задач. Иное дело – что мог чувствовать еврей-подпольщик, будучи хорошо осведомленным о происходящем и потеряв родных и близких в акциях по тотальному уничтожению; насколько его мотивации к беспощадной борьбе с противником могли отличаться от мотиваций подпольщика-нееврея?

Вместе с тем, известны случаи, когда советские подпольщики оказывали помощь евреям, нуждавшимся в укрытии и фальшивых документах. Так, в отчете секретаря Симферопольского подпольного горкома И.А. Козлова о деятельности Симферопольского подпольного горкома за период с октября 1943 по апрель 1944 г. значится: «*Наши люди принимали меры к спасению евреев и их детей от истребления озверелыми фашистами (Самарская, Носов и т.д.). На квартире у члена сарабузской группы Бровка укрывалась женщина еврейка Сорокина Бэлла Соломоновна*» [26].

Вооруженное сопротивление

Одним из самых ярких видов реакции евреев на политику геноцида было оказание вооруженного сопротивления оккупантам. Оно могло проявляться в различных формах: в форме организации восстаний в гетто и лагерях; в форме сопротивления в лесах в составе еврейских партизанских отрядов; в форме участия евреев в составе общего нееврейского партизанского движения.

В связи с отсутствием гетто в рассматриваемом нами регионе также практически исключается возможность существования еврейских партизанских отрядов – ведь само их возникновение было, как правило, связано с бегством евреев из гетто, с пополнением отрядов бойцами-евреями и членами их семей, которые могли быть переправлены из городов. Быстрое уничтожение евреев Крыма в городах без предварительной долговременной их концентрации фактически исключило такую возможность. По крайней мере, свидетельств о существовании таковых на сегодняшний день не найдено.

История партизанского движения в Крыму на сегодняшний день описана достаточно подробно. Однако вопрос об участии евреев в советском партизанском движении нуждается в отдельном изучении. До конца 1980-х – начала 1990-х гг. факт значительного участия евреев (равно как и другие аспекты национальной проблематики в связи с оккупационным режимом и сопротивлением ему) в исследовательской литературе Крыма не освещался. Так, в справочнике «Крым многонациональный: вопросы – ответы» по участию представителей различных национальностей приводилась такая справка, основанная на документации Крымского штаба партизанского движения: на 15 января 1944 г. в числе 3733 партизан было 1944 русских, 348 украинцев, 22 белоруса, 598 татар, 69 армян, 134 грузина, 66 азербайджанцев ... всего представители 35 национальностей [27]. Как видим, еврей в этом списке не упомянуты вовсе, несмотря на наличие в то время в рядах партизан многих бойцов еврейского происхождения.

Шаг вперед в исследовании темы был сделан Г.Н. Губенко, которая в монографическом исследовании «Книга печали» назвала несколько имен выдающихся партизан-евреев Крыма и охарактеризовала их вклад в борьбу с нацизмом [28]. В английском переиздании этой книги раздел о евреях-партизанах Крыма существенно расширен: автор проанализировала в госархиве АРК данные картотеки «Партизаны и подпольщики Крыма», которая была составлена архивистами в 1970-80-х гг. в справочных целях на основании документов КШПД и Крымской комиссии по истории ВОВ. Картотека составлена на около 11700 партизан, указаны их ФИО, год рождения, национальность, место нахождения до вступления в партизанский отряд, название или номер отряда, причину оставления отряда. Автор проверила карточки на первые пять букв алфавита (А-Д) и выявила 62 евреев-партизан, из которых 33 погибли в первый период оккупации Крыма, а 29 пережили войну. В книге опубликованы их имена, многие – впервые [29].

Дальнейшая работа, проведенная автором с материалами картотеки, позволила выявить 195 евреев-партизан и 6 евреев-подпольщиков, на разных этапах оккупационного периода принимавших участие в борьбе с захватчиками. По материалам картотеки, лишь 38 евреев-партизан дождались освобождения Крыма и встретили Советскую армию в Крыму в апреле 1944 г. Большинство же значатся погибшими, умершими от ран, от истощения или пропавшими без вести [30]. Большая часть погибших приходится на 1942 год, когда партизанское движение находилось в тяжелых условиях. Несколько десятков были эвакуированы по ранению в Сочи или Краснодар во второй половине 1942 г. Часть из них впоследствии, в 1943 г. вернулась вместе с пополнением, в котором также были бойцы-евреи. На начальном этапе евреи пополняли ряды партизан либо из подразделений отступавшей регулярной армии, либо из состава истребительных батальонов. Немногим удавалось бежать из плена (таких в картотеке 8).

Вместе с тем, характеризуя количественные данные об участии евреев в крымском партизанском движении, авторы, как правило, оставляют без внимания некоторые существенные для понимания специфики участия евреев в партизанском движении вопросы. Были ли открыты крымские леса для тех евреев, которые смогли пережить акции, и были исполнены решительно пополнить ряды партизан? Если им удалось пробраться в лес, то, какое отношение к себе они встречали в партизанских отрядах со стороны командного состава, товарищей по оружию? Сложность исследования данной проблемы упирается в нехватку источников: написанные и частично опубликованные в советское время евреями-партизанами немногочисленные дневники и мемуары обходят эту тему молчанием (вероятно, не в последнюю очередь вследствие цензуры либо автоцензуры).

Имеющиеся немногочисленные источники и косвенные доводы свидетельствуют, по нашему мнению, о том, что межнациональные отношения в рядах крымских партизан были в целом здоровыми и не были заражены отравой антисемитизма; нацистская пропаганда, направленная на партизан, потерпела неудачу в стремлении расколоть их ряды и убедить русских, украинцев, крымских татар и других в том, что они рискуют жизнями для защиты чуждого им «жидобольшевистского» режима [31]. Как вспоминал бывший партизанский комиссар и пулеметчик Э.М. Грабовецкий, за весь период нахождения в лесу ему не приходилось сталкиваться с проявлениями бытового антисемитизма [32]. Это же косвенно доказывает и факт

широкого представительства евреев в среднем и высшем командирском и комиссарском составе крымских партизан [33].

Существуют свидетельства, что проводившаяся среди партизан политико-пропагандистская работа включала информирование их о репрессиях оккупантов против мирного населения и, в частности, об уничтожении евреев. Характерный эпизод приводится в дневнике одного из руководителей партизанского движения:

В штаб района прибыла группа разведки Черноморского разведуправления, находящегося с десантом в Феодосии. Во главе этой группы командир Богданов ...рассказал о зверствах оккупантов в данном городе. Немцы, говорит он, расстреляли и уничтожили 1500 человек евреев, их детей отравили, вешали мирных жителей. ... По возвращению из штаба района с политруками групп мной проведено совещание, рассказано подробно о зверствах, которые проводили немцы в Феодосии, хотя нам и было известно о некоторых данных зверствах немецких оккупантов. Наша разведка была в городе, но все же эти подробности нужно было довести до каждого партизана. Политруки групп вечером проводили беседы по группам... [34].

В Центральном штабе партизанского движения также располагали информацией об особенностях оккупационной политики в Крыму по отношению к евреям. Агентурные сводки, полученные от разведагентов в городах через крымских партизан, содержат такие сведения: *«Все евреи и караимы [35], даже родившиеся от смешанных браков, уничтожены немцами»* [36]. *«Еврейское население подвергается полному физическому уничтожению, крымчаки и частично цыгане также»* [37]. *«Немцы начали разрешать национальный вопрос с того, что полностью уничтожили евреев и цыган»* [38].

Те немногие евреи-военнопленные, которым в плену удавалось избежать немедленного расстрела и скрыть свою национальность, затем бежать и попасть в лес, по понятным причинам пополняли ряды наиболее активных бойцов. Думается, их психологический настрой и поведение, верно, передает запись в дневнике комиссара одного из отрядов Восточного соединения:

Беседовал с бойцом Ачкинази – правда, он перед началом рассказа предупреждал, что это будет «тысяча и одна ночь». Ему приходилось два раза менять национальность, менять фамилию, имя, отчество, чтобы скрыть свою национальность (крымчак), и все время пребывания в немецких лагерях чувствовать, что находится на волоске от смерти, а сейчас, попав в партизаны, он как будто вторично родился на свет. Он дисциплинирован, исполнитель, и всячески стремится на деле доказать свою преданность Родине, стремится разрядить свою жгучую ненависть к немцам [39].

Можно предположить, что широкая осведомленность партизанского состава об участии еврейского населения препятствовала распространению юдофобских предрассудков и вызывала готовность оказать помощь тем, кто сумел вырваться из тисков смерти и пробраться в лес. Однако окончательные выводы можно будет делать лишь тогда, когда исследователям удастся привлечь более существенный массив источников – как официальных документов, которые бы характеризовали отношение руководящих органов к факту присутствия евреев в рядах партизан, так и дневников и воспоминаний непосредственных свидетелей о взаимоотношениях между бойцами в крымском лесу.

Индивидуальное противостояние

Наиболее частой формой противостояния были индивидуальные, спонтанные акты неповиновения людей, лишенных возможности как-то иначе противостоять обстоятельствам. Разумеется, эффективность таких действий стремилась практически к нулю, так как в условиях полной зависимости от вооруженных людей безоружные и окруженные со всех сторон одиночки не могли существенно повлиять на ход событий. В условиях «пограничной ситуации» для многих людей значение имел не конечный результат их поступка, а сам поступок по себе, выражавший не сломленную волю и намерение сохранить человеческое достоинство до конца. В связи с этим мы полагаем не только возможным, но и необходимым также рассматривать эти факты в качестве противостояния – поскольку в основе таких действий лежит не пассивное принятие обстоятельств и следование им, а акт свободной воли, направленный на воспрепятствование намерениям оккупантов.

Известны многие случаи отказа еврейской интеллигенции и известных специалистов, в услугах которых нуждались оккупанты, сотрудничать с ними в целях спасения своей жизни. Об одном из таких случаев – несогласии известного в Феодосии врача-педиатра М.Б. Фиделева наладить работу газового оборудования в городе якобы в дезинфекционных целях – сообщает «Черная книга» [40]. Известны также случаи, когда еврейские интеллигенты не воспользовались правом на жизнь, предоставленным им немецким командованием, предпочитая разделить судьбу своего народа. Так, при сборе «для переселения» в Севастополе врача Звенигородского отпустили домой, предложив ему заниматься своей профессией, однако он отклонил предложение коменданта тюрьмы, заявив: «Где мой народ, там я тоже с ними» [41].

У молодых и физически крепких людей реакция выражалась в форме активных действий. Устная традиция крымчаков гласит, как в Симферополе крымчак Ноах Ломброзо не явился на место сбора; вместо этого он убил немецкого офицера, забрал его пистолет и переделал в его форму. Затем он сел в машину, прибыл на место расстрела и застрелил еще двух немцев, пока не был изрешечен автоматными очередями [42]. Аналогичные случаи спонтанного сопротивления политике уничтожения известны и в других городах. В конце декабря 1941 г. во время перевозки на расстрел группы заключенных один из евреев, резник Арон избил двоих немецких конвоиров, на полном ходу выскочил из кузова и скрылся. Несмотря на обещанное на следующий день за его поимку вознаграждение в сто марок, ему удалось укрыться у знакомых горожан и позднее уйти в партизаны [43].

В первые дни оккупации, после появления приказа об обязательном ношении нашивок с шестиконечной звездой многие евреи игнорировали это распоряжение. Так, подразделения фельджандармерии №683 при ортскомендатуре Симферополя сообщало, что 1.12.1941 г. в Симферополе еврей Муси Тулял ими был обнаружен без звезды Давида. Он был передан зондеркоманде СД 116 в Симферополе [44] – это означало неминуемую смерть.

Одной из форм неповиновения нацистским властям являлась неявка на место сбора «для переселения» тех, кто догадывался о действительном назначении этой акции. Напомним: евреям было объявлено заранее о смертной казни как наказании за неповиновение приказу о сборе. О назначении «сборов» можно было только гадать, и большинство питало надежду на то, что они все же останутся в живых – будут куда-то вывезены, переселены, но только не убиты. Те же, кто выбирал бегство и жизнь вне закона, в случае обнаружения рассчитывать ни на что не могли. И тем не менее, многие выбирали неподчинение приказу. О таких случаях очевидцы сообщали многократно:

Уклонившихся евреев и других советских граждан, укрывавших евреев, немцы вешали на улицах города. Я лично видел повешенных советских граждан: одного у военной комендатуры на Пушкинский улице, одного у входа в город на улице Ленина, одного у здания типографии на Советской улице, одного на рынке и одного у Фонтанной площади. На шею повешенных висели таблички с надписью: «За неявку на сборный пункт», «За укрывание евреев» [45] и т.п.

Интеллигентный и внимательный наблюдатель, житель Симферополя Х.Г. Лашкевич записал в своем дневнике 26 декабря 1941 г., через две недели после антиеврейской акции в городе: *«В течение этих двух недель я слышал толки о том, что некоторые евреи не пошли на регистрацию и попрятались, а немцы их вылавливали. ...Прятавшиеся евреи вылавливались на чердаках, в подвалах, в окопах, в щелях»* [46]. Представление о том, сколько евреев и крымчаков не повиновались приказу о явке и были обнаружены в первые недели после основной акции, прошедшей в Симферополе с 9 по 14 декабря, дают цифры из отчета айнзатцгруппы «Д», которая в середине февраля 1942 г. докладывала в Берлин:

Поиски оставшихся евреев, которым до сих пор удалось избежать расстрела в силу того, что они скрывались или предоставили ложные сведения о себе, продолжались. С 9 января по 15 февраля в Симферополе более трехсот евреев арестованы и казнены. ... На других территориях команды были также ликвидированы 100-200 евреев [47].

Керченские оккупационные власти, проведя после вторичной оккупации города зачистку его от еще оставшихся «нежелательных элементов», сообщали 15 июля 1942 г., что Керчь «свободна от евреев и крымчаков» (*die Stadt frei von Juden und Krimtschaken ist*) [48]. Однако во второй половине июля керченская полевая жандармерия снова обнаружила в городе несколько евреев и крымчаков и передала их службе безопасности «для дальнейшего расследования» [49]. В первой половине августа полевая жандармерия снова обнаружила в городе и передала в СД евреев, которые, «обладея фальшивыми документами, пытались уклониться от ареста» [50].

Аналогичным образом и в других городах Крыма далеко не все евреи были охвачены гросс-акциями первого месяца оккупации. В Феодосии систематически проходили облавы на тех, кто укрывался. Во время облав 5-го, 19-го, 23-го марта 1942 г. наряду с «саботажниками», «политруками», «членами НКВД» и другими «нежелательными элементами» были схвачены еще 66 евреев [51], которые, как правило, имели поддельные документы. С 16 по 30 апреля, по отчету городской комендатуры I (V) 287, были расстреляны 22 еврея [52]. С 1 по 13 мая, по сообщению феодосийской городской комендатуры, зондеркомандой 106 в городе были расстреляны 34 еврея, еще девять на момент составления отчета находились под арестом [54].

Не явившиеся на пункты сбора должны были скрываться. Это означало ежеминутно подвергать себя опасности – и такая перспектива сохранялась на неопределенный срок. Для того чтобы решиться на жизнь в укрытии, на существование вне закона, нужны были особые душевные силы, мужество. Скрывавшийся у учителя математики, русской женщины симферополец Е.Е. Гопштейн был на грани обнаружения пять (!) раз. Оставленные им воспоминания позволяют проникнуть в душевный мир человека, стремившегося сохранить присутствие духа и национальную гордость в смертельно опасной ситуации. Однажды немецкий офицер открыл кладовку, где прятался Е.Е. Гопштейн, и почти было вошел туда. *«Я решил, – вспоминал Е.Е. Гопштейн, – что на этот раз, кажется, мне уйти не удастся. Нужно было собрать все свои силы, чтобы не подать вида, и чтобы не подумали, что «жиды» цепляются за жизнь и умереть не умеют»* [55].

Для того, чтобы обезопасить себя и детей от обнаружения, необходимо было или надежное укрытие, или фальшивые документы, а порой – и то и другое. Факты подделки евреями документов, исправления записей о национальной принадлежности в паспортах содержатся во многих воспоминаниях. Все это не могло быть осуществлено без помощи неевреев – друзей, знакомых, а иногда и просто случайных людей. Их же помощь была неоценимой при попытках переезда в сельскую местность – туда, где преследуемых никто не знал и где контроль над мирным населением был менее жестким, осуществляясь зачастую не оккупационными органами, а местной сельской администрацией.

Ежедневно, ежеминутно выдерживать напряжение быть обнаруженным, раскрытым было по силам не всем. Некоторые люди не переносили жесточайшего прессинга. Свидетель рассказывал об одном из таких случаев:

Я знала Кажон Веру Борисовну, лет 30, учительницу дер. Карагоз... Кажон была еврейка, свою национальность она скрывала... Узнав, что немцы убивают евреев, Кажон уничтожила все свои доку-

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЕВРЕЕВ КРЫМА НАЦИСТСКОМУ ГЕНОЦИДУ (1941-1944)

менты. Но документы требовались от всех граждан. Для получения паспорта она несколько раз ходила до Старого Крыма, но каждый раз возвращалась без документов. На обратном пути зайдет, бывало, ко мне, и, рыдая, говорит: «Никитична, не могу собраться с силами и пойти за документом, дойду до города и иду обратно. Мне страшно. Так и кажется, то знают о том, что я еврейка и бегут за мной.». Так документ она и не получила. Заходила она ко мне ежедневно и все время... жила под страхом быть расстрелянной не сегодня, так завтра. 25 декабря 1941 г. дочь моя... шла по улице и увидела подводу, на которой сидела Кажон в сопровождении полицейского. Полицейский Игнатъев по возвращении говорил жителям, что отвез ее в Старый Крым и сдал властям [56].

Особенности реакции крымских евреев на геноцид

Подводя итоги, отметим специфические черты противостояния евреев Крыма нацистскому геноциду. Не молчаливая покорность и бессловесное повиновение приказам характеризуют поведение евреев – мужчин и женщин, молодежи и стариков, мирного населения – на политику тотальных убийств. Реакция евреев-крымчан выражалась, главным образом, в разнообразных актах индивидуального противостояния – вооруженного и безоружного, физического и духовного. Оно заключалось в неповиновении распоряжениям властей, отказе от ношения опознавательных знаков, неявке на пункты регистрации и сбора, бегстве и фальсификации документальных данных, оказании взаимопомощи, сокрытии своего происхождения, различного рода взаимодействия с нееврейским населением с целью сохранения жизни себе или своим детям. В основе таких поступков лежало не пассивное, фаталистическое принятие обстоятельств, но акты свободной воли, направленной на противодействие намерениям властей физически уничтожить еврейство. В силу рассмотренных нами выше исторических условий индивидуальное противостояние нацистскому геноциду в виде спонтанных актов неповиновения было едва ли не единственно возможным видом реакции крымского еврейства на политику геноцида. На создание и проведение системы мер с использованием каких-либо организационных ресурсов у евреев полуострова не оказалось времени из-за быстрого уничтожения общины и слабости еврейской администрации, искусственным образом и ненадолго воссозданной оккупантами. Спешная ликвидация нацистами крымского еврейства без его долговременной концентрации в гетто исключала также пополнение партизанских отрядов, действовавших в лесных районах полуострова, бежавших из гетто узниками. В связи с этим было практически исключено и возникновение специфически еврейского вооруженного подполья и партизанского движения, характерного для западных оккупированных территорий СССР. Те же немногие одиночки, которым удавалось пережить плен и вырваться из него, пополняли ряды советского партизанского движения, где приняли активное участие в борьбе с нацистским режимом.

Источники и литература

1. Jewish Resistance During the Holocaust. Proceedings of the Conference on Manifestations of Jewish Resistance. – Jerusalem: Yad Vashem, 1971.
2. Об анализе терминологии и типологии еврейского сопротивления см.: Михман Д. Историография Катастрофы. Еврейский взгляд. Концептуализация, терминология, подходы и фундаментальные вопросы. – Днепропетровск: НПП «Ткума», 2005. (Раздел «Еврейское сопротивление во время Катастрофы и его значение: теоретические наблюдения». – С. 241-273).
3. Альтман И.А. Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941-1945. – М.: Фонд «Ковчег», 2002. (Раздел «Сопротивление». – С. 305-372).
4. Елисаветский С.Я. Полвека забвения. Евреи в движении сопротивления и партизанской борьбе в Украине (1941-1944). – Киев: Международный Соломонов университет, 1998. – 400 с.
5. См.: Еврейський опір в Україні в період Голокосту. Збірник наукових статей. / За ред. М.І. Тяглого. – Дніпропетровськ: НПП «Ткума», 2004. – 376 с.
6. Подробнее об антиеврейских акциях айнзатцгруппы «Д» на территории Крыма см.: Andrej Angrick. Besatzungspolitik und Massenmord. Die Einsatzgruppe D in der südlichen Sowjetunion 1941-1943. – Hamburg, 2003.
7. Изучению отчетов как исторического источника посвящена работа: Headland Ronald. *Messages of Murder. A Study of the Reports of the Einsatzgruppen of the Security Police and the Security Service, 1941-1943*. – London, Toronto, 1992. – 303 p.
8. Подробнее об участии полевых комендатур в антиеврейских акциях на территории Крыма см.: Norbert Kunz. *Die Feld- und Ortskommandaturen auf der Krim und der Judenmord 1941-42*. – In: Täter im Vernichtungskrieg. Der Überfall auf die Sowjetunion und der Völkermord an den Juden. – Berlin: Propyläen, 2002. – P. 54-70.
9. National Archives and Records Administration (NARA), Record Group 242, Microfilm Publication T501 (Records of German Field Commands: Rear Areas, Occupied Territories and others), roll 56, frame 478; roll 56, frame 484-485; roll 56, frame 496; roll 57, frame 311; roll 57, frame 314; roll 57, frame 498; roll 64, frame 908.
10. Альтман И.А. Указ. соч. – С. 349.
11. Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК). – Ф. Р-1289. – Оп. 1, 2.
12. ГААРК. – Ф. П-156. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 166-170.
13. Там же. – Д. 37. – Л. 71-106.
14. Там же. – Д. 40. – Л. 112-126.
15. Там же. – Д. 36. – Л. 52-103.
16. ГААРК. – Ф. П-151.
17. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 69.

18. Подробнее о юденратах Крыма и их месте в нацистском «окончательном решении еврейского вопроса» см.: Тяглый М.И. Еврейские комитеты в оккупированном нацистами Крыму: постановка проблемы // Культура народов Причерноморья. – 2003. – №46. – С. 160-168.
19. Стенограмма воспоминаний Е.Е. Гопштейна. – В кн.: Передайте детям нашим о нашей судьбе. – Симферополь: БЕЦ «Хесед Шимон», 2001. – С. 107.
20. Подробнее о такой линии поведения см.: Михман Д. Катастрофа европейского еврейства. Учебное пособие Открытого университета Израиля. – Ч.4. Еврейские лидеры и еврейское сопротивление. – Иерусалим, 1995. – С. 290-291, 331.
21. Ой, еврейские дети, мы пропали (идиш).
22. Макарычева Д.И. Мертвые говорят. – В кн.: Передайте детям нашим о нашей судьбе. – С. 175-176.
23. Подробнее об организации подпольного движения в Крыму и руководстве Крымского областного комитета ВКП(б) подпольно-партизанским движением см.: Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне, 1941-1945. – М.: Наука, 1987. – С. 192-231.
24. Рассказ симферопольского портного Макса Соломина. В кн.: Неизвестная Черная книга. – Иерусалим-Москва, 1993. – С. 372.
25. См.: Гольденберг М. Евреи в крымском партизанском движении и подполье, 1941-1944 гг. // Холокост: исследование и преподавание. Тезисы докладов 11-й международной конференции по иудаике. – Москва: Сэфер, 2004. – С. 3-5.
26. Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГО України). – Ф. 1. – Оп. 4. – Спр. 413. – Л. 30.
27. Крым многонациональный. Вопросы-ответы. – Симферополь: Таврия, 1988. – С. 78-79.
28. Губенко Г. Н. Книга печали. – Симферополь: Редотдел крымского управления по печати, 1991.
29. Gitel Gubenko *The Book of Sorrows*. – New York : GStanislav Co., 2003. – P. 112-127.
30. По материалам картотеки, погибшими, умершими от истощения или от ран и пропавшими без вести числятся 96 бойцов-евреев, однако это только те случаи, где причину выбытия из отряда архивистам удалось установить. Еще в нескольких десятках карточек эта причина не указана, но боец значится выбывшим из отряда задолго до освобождения – такие случаи, вероятно, также следует интерпретировать как гибель бойца.
31. Оккупационные власти стремились в пропагандистских целях не только преувеличить факт участия евреев в партизанском движении, но объявить партизанскую борьбу явлением, целиком и полностью организованным еврейством для сохранения «жидобольшевистского режима». Так, когда с осени 1943 г. и в начале 1944 г. партизанское движение в Крыму приняло значительный размах, на страницах «Голоса Крыма» (русскоязычной газеты, выходившей в Симферополе в период оккупации) начинается активная антипартизанская пропаганда, целью которой было формирование у читателей негативного образа «бандита». 16 января 1944 г., например, газета помещает очерк «В плену у бандитов», состоящий из трех разделов. Один из разделов рисует резко отталкивающий образ еврейки в партизанском виде, раздел называется «Жидовка с винтовкой».
32. Видеointервью автора с Э.М. Грабовецким для “Survivors of the Shoah Visual Foundation”, июль 1998 г.
33. Приведем лишь несколько примеров: командир Северного соединения партизан – П.Р. Ямпольский; командир 7-й бригады Южного соединения партизан – Л.А. Вихман; командиры отдельных отрядов – Я.М. Кушнир, Ю.Г. Руманов; комиссар района – Е.А. Попов; комиссар бригады – Т.Г. Каплун; комиссары отдельных отрядов – Э.М. Грабовецкий, Н.Н. Злотников, Г.А. Фельдман.
34. ГААРК. – Ф. П-151. – Оп. 1. – Д. 395. – Л. 21 (Дневник комиссара I разведрайона партизан Крыма тов. Пономаренко. Запись от 30.01.1942).
35. Ошибка авторов сводки. Следует читать – «крымчаки».
36. РГАСПИ. – Ф. 69. – Оп. 1. – Д. 753. – Л. 31 (Агентурная справка в ЦШПД из района Симферополя на июнь 1942 г.)
37. РГАСПИ. – Ф. 69. – Оп. 1. – Д. 741. – Л. 39об (Агентурная справка заместителю начальника ЦШПД Бельченко от уполномоченного штаба партизанского движения в Крыму В. Булатова от 1 июля 1943 г.)
38. РГАСПИ. – Ф. 69. – Оп. 1. – Д. 623. – Л. 123 (Агентурная справка начальнику ЦШПД Пономаренко от начальника ЮШПД Селезнева за октябрь 1942 г.)
39. ГААРК. – Ф. П-151. – Оп. 1. – Д. 525. – Л. 23 (Из дневника С.И. Черкез – комиссара 2-го отряда Восточного соединения партизан Крыма, запись от 1118 сентября 1943 г.)
40. Как убили доктора Фиделева. – В кн.: Черная книга о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941-1945 гг. – Вильнюс: Йад, 1993. – С. 211-212. Существует и другая версия гибели 80-летнего врача, согласно которой он был убит оккупантами, отказавшись организовать умерщвление ядом феодосийских еврейских детей (см.: Гольденберг М. Холокост и Феодосия. – Голокост і сучасність. – 2002. – №6. – С. 8).
41. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 7021. – Оп. 9. – Д. 45. – Л. 59 (Из дневника севастопольского священника Б. Пекарчука.)
42. Anatoly Khazanov. *The Krymchaks: A Vanishing Group in the Soviet Union*. – Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, The Marjorie Mayrock Center for Soviet and East European Research, 1989. – P. 21.
43. Yad Vashem Archives, Record group O.32 (Collection of testimonies about the Soviet Union), file 62, page 7 (Очерк Б.М. Вольфсона «Гитлеризм и его крах»).
44. NARA, RG-242, T501, roll 56, frame 488.

45. United States Holocaust Memorial Museum Archives (USHMMA), RG-06.025*05 (Из протокола допроса свидетеля Велиева И. М., л. 274).
46. Из дневника Х.Г. Лашкевича. – В кн.: Передайте детям нашим о нашей судьбе. – С. 69-70.
47. *The Einsatzgruppen Reports. Selections from the Dispatches of the Nazi Death Squads' Campaign Against the Jews in Occupied Territories of the Soviet Union, July 1941 – January 1943*. – New York: Holocaust Library, 1989. – P. 296.
48. NARA, RG-242, T-501, roll 64, frame 825.
49. NARA, RG-242, T-501, roll 64, frame 882.
50. NARA, RG-242, T-501, roll 233, frame 844.
51. The Einsatzgruppen Reports. – P. 331-332.
52. NARA, RG-242, T-501, roll 64, frame 637-638.
53. NARA, RG-242, T-501, roll 64, frame 687.
54. Из стенограммы воспоминаний жителя Симферополя Е.Е. Гопштейна. - В кн.: Передайте детям нашим о нашей судьбе. – С. 115.
55. См., напр.: Имя, которое спасло жизнь. – В кн.: Мы благодарны вам за жизнь. Воспоминания о спасении евреев их соседями в годы Второй мировой войны. – Симферополь: БЕЦ «Хесед Шимон», 2004. – С. 42.
56. ГААРК. – Ф. Р. –1289. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 132.

Хаяли Р.И.

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ В ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ

Актуальность проблемы. В конце XIX – начала XX столетия в Крыму происходили интенсивные изменения в демографическом, социальном и этническом составе населения, обусловленные политическими и экономическими факторами, определившие численный и половозрастной состав крымскотатарского населения. Эти процессы во многом имели противоречивое развитие и последствия.

Цель статьи – проследить эволюцию крымскотатарского народа на рубеже веков. **Научная новизна.** В статье анализируется демографическое развитие крымских татар, определяются факторы, повлиявшие на численный состав и социальные изменения в структуре населения. В качестве источников послужили архивные документы, опубликованные материалы переписи 1897 г. [1], статистические и нормативно-правовые сборники, [2] публикации исследователей [3].

Крымский полуостров в конце XIX – начала XX столетия входил в состав Таврической губернии, которая граничила с Херсонской и Екатеринославской губерниями. Таврическая губерния состояла из восьми уездов, три из которых занимали континентальную часть современной Украины – Мелитопольский, Днепровский, Бердянский, а пять Крымский полуостров – Евпаторийский, Перекопский, Симферопольский, Феодосийский, Ялтинский. Также на территории Крыма имелось два градоначальства – Керчь-Еникальское и Севастопольское.

В отличие от центральных губерний Европейской части Российской империи плотность населения в Таврической губернии в конце XIX – начала XX вв. была относительно невысокой и равнялась 27,29 человек на кв. версту [4]. В сравнении с плотностью населения в масштабах всей Российской империи, равнявшейся 6,66 человек на кв. версту, этот показатель в Таврической губернии был достаточно высоким и выделял регион на фоне других губерний [5]. Одновременно в крае выделялись уезды с более высокой плотностью населения. К ним относились Ялтинский уезд (91 человек на 1 кв. версту), Симферопольский (43), Феодосийский (29), занимавшие территории прибрежной, горной и предгорной части Крымского полуострова. Наиболее низкой плотность населения была в степных уездах, а именно в Евпаторийском (14) и Перекопском (10) [6]. По численности и плотности населения в начале XX столетия качественно выделялись Феодосийский, Симферопольский и Ялтинский уезды.

Численность населения по уездам Крыма [7].

Уезды	1916 г.	1917 г.	1918 г.
Перекопский	56048	54136	58385
Евпаторийский	50870	54382	51573
Симферопольский	89203	87125	99042
Феодосийский	128143	126058	137498
Ялтинский	69536	68067	29805

В конце XIX– начала XX вв., в результате промышленной и аграрной модернизации, происходившей в масштабах Российской империи, наблюдается резкое увеличение населения губернии и особенно городского. В 1897 г. в Таврической губернии, по данным переписи населения, проживало 1447790 наличного населения. Мужское население преобладало над женским (762804 мужчин и 684 986 женщин) [8]. Эта тенденция была характерной как для городов Таврической губернии, где проживало 159596 мужчин и 137565 женщин, так и для сельской местности – 176622 мужчин и 160970 женщин. В структуре населения Крыма состоявшего из 546592 жителей, на долю мужчин приходилось 55,6% (304163) и женщин (44,4%) 242429. Соответственно в городах и горпоселениях проживало 129298 мужчин и 99075 женщин, сельской местности – 174865 мужчин и 143354 женщин [9]. На протяжении начала XX в Крыму в составе населения пре-